

Т. Ю. Сем

Историческая память в орнаментальном творчестве нивхов в советский период

Сем Татьяна Юрьевна, Российский этнографический музей (С.-Петербург), отдел этнографии Сибири и Дальнего Востока, ведущий научный сотрудник, кандидат исторических наук; semturem@mail.ru

Доклад посвящен анализу орнаментального творчества нивхов в советский период на основании материалов коллекций 1950-х гг. Е. П. Орловой из фондов Российской этнографического музея. Раскрывается проблема сохранения традиций в культуре нивхов этого периода. Нивхи как палеоазиатский этнос сохранили изолированность в языке, но в то же время определенную взаимосвязь с тунгусо-маньчжурами в культуре, составляя с ними единую историко-этнографическую общность Амура-Сахалинского региона. Проводится семантическая типология орнамента нивхов советского периода. На основе коллекций музея выделены следующие мотивы: антропоморфный, зооморфный, криволинейно-геометрический орнаменты, образы личин, известные и в дореволюционных коллекциях. В орнаменте нивхов рассматриваемого периода встречаются фигуры женщин-прародительниц, рожениц, мужчин с выделенными фаллами, характеризующих культ плодородия. Также представлены образы пляшущих человечков в хороводе – основном танце календарных обрядов. Зооморфные фигуры представляют образ тигра, медведя, дракона, черепахи, лягушки. Среди личин, аналогичных образам наскальных рисунков Нижнего Амура эпохи неолита, встречаются антропоморфные, обезьяноподобные, череповидные личины, связанные с культом предков и инициациями. В заключении автор приходит к выводу о том, что, несмотря на экономические, культурные и социальные изменения в культуре нивхов в советский период, в орнаментальном творчестве сохранились традиционные сюжеты.

Ключевые слова: орнаментальное творчество, нивхи, коллекции РЭМ, советский период, семантическая типология мотивов, историческая память.

Нивхи – население лимана р. Амур и севера о. Сахалин – проживали в контакте с тунгусо-маньчжурами (ульчами, низовскими нанайцами, негидальцами, орочами – на Амуре, ороками и эвенками – на Сахалине), а также айнами Сахалина и многое заимствовали у них¹. При этом сохранялась известная изолированность в области нивхского языка и культуры. Эти процессы: контакты, с одной стороны, и изолированность языка нивхов, с другой, нашли отражение и в культуре, в частности, в орнаменте. В советский период на территории СССР произошли крупные экономические, культурные и социальные изменения; затронули они и нивхов². А. В. Смоляк писала, что национальное искусство у этого народа в 1950–1960-е гг. почти полностью исчезло: хотя женщины любят рукоделие, но вышивают по-русски, молодежь тянется к новой жизни. Однако известно, что в сундуках у старшего поколения еще хранятся трафареты старинных орнаментов и старинная одежда³. Во время Амуро-Сахалинской экспедиции 1956–1957 гг., проведенной Государственным музеем этнографии народов СССР (ныне Российский этнографический музей, РЭМ), научным сотрудником отдела Сибири и Дальнего Востока Е. П. Орловой удалось собрать орнаментированные предметы одежды нивхов советского периода.

Проблемой изучения нивхского орнамента занимались многие дальневосточные исследователи: П. Я. Гонтмахер, Н. В. Кочешков, М. В. Осипова; а также имеются альбомы современных нивхских орнаментов индигенных исследователей. М. А. Каплан и Е. П. Орлова, рассматривая особенности декоративно-прикладного искусства народов Сибири и Дальнего Востока, и в частности народов Амура, в 1950–1960-х гг., отмечали глубокую самобытность и традиционность в аппликации и вышивке, отличавшихся национальным колоритом, строгостью композиции, включавшей элементы завитков и геометрических фигур, стилизованных изображений животных⁴.

Настоящее исследование посвящено типологии и семантике нивхских орнаментов, которые были интерпритированы на основании коллекций Е. П. Орловой 1956–1957 гг. из фондов РЭМ, как наиболее представительные для советского периода.

Судя по коллекциям РЭМ, среди орнаментов нивхов середины XX в., в советский период, отмечаются антропоморфные, зооморфные, растительные, криволинейно-геометрические мотивы, а также образы личин, известные и по дореволюционным коллекциям РЭМ.

Наиболее часто в орнаменте нивхов этого периода встречаются сюжеты с фигурами женщин-прародительниц и рожениц, реже

мужские фигуры и единичны образы пляшущих человечков. Отметим, что они продолжают традицию конца XIX – начала XX в. На левополом женском халате из рыбьей кожи имеется орнамент в виде женщины-прародительницы, изображение которой образовано двумя спиралями с отростками, направленными вниз, и Z-образными фигурами по бокам. Голова представляет собой сердцевидную форму с трилистником внутри, обозначающим глаза и нос (кол. № 6939–86). В другом исполнении на халате аналогичного типа тело женщины-прародительницы обозначено парой S-образных фигур (кол. № 7006–63). В третьем варианте, на рукавицах, изображение прародительницы выполнено в виде трех пар спиралей (кол. № 7006–71). Наряду с образами прародительниц в орнаменте нивхов известны фигуры рожениц (кол. № 6939–101; 7006–61). Зачастую в орнаменте фигура женщины-прародительницы окружена с двух сторон парой змеиных фигур, птицами или зародышами, что подчеркивает их связь с культом плодородия (кол. № 6939–86; 7006–61, 71,72). Иногда женская фигура сочетается с мордой животного, например тигра, или она сама изображена с головой медведя, что иллюстрирует миф о тотемном браке женщины с животным миром (кол. № 6939–101; 7006–63).

Мужские фигуры встречаются в нивхском орнаменте советского периода редко. На рукавицах изображен человек с овальной головой, руками в виде двух спиралей, ногами-завитками, между которыми ромб – фалл, символ плодородия (кол. № 6939–93). На женском халате из рыбьей кожи изображена фигура мужчины, вписанная в зооморфную морду животного с рогами (быка или дракона; кол. № 6939–86).

В единичном случае имеются изображения пляшущих человечков, чередующихся женских фигур рожениц и мужских фигур с фаллами, подчеркивающих символику плодородия (кол. № 6939–3).

Среди зооморфных образов наиболее характерны изображения морды медведя, дракона и тигра, волка, также представленные в более ранних дореволюционных коллекциях РЭМ. Зачастую морды медведя изображены вместе с мордами драконов. На женском халате из рыбьей кожи морда медведя образована из отдельных орнаментальных элементов: глаза – двумя спиралевидными змейками, нос – сердцевидный, острием вниз, на лбу – два двулистника, уши – в виде спиралей, на голове также пара спиралей (кол. № 6939–86). На том же халате морда медведя изображена в композиции с черепахой. Обращает на себя внимание то, что в изображении морды медведя присутствуют фигурки змеек. Эти

образы медведя и змеи имеют древнюю коннотацию. На петроглифах Сакачи-Альяна эпохи неолита изображена борьба медведя (символа Верхнего мира) со змеей (символом Нижнего мира)⁵. Эти представления нашли отражение в фольклоре нивхов и айнов. У морды дракона, помещенной на отворотах женской обуви, глаза показаны спиралевидными завитками, ее челюсти – фигурные, пасть – двойная скоба (кол. № 7006–78; кол. № 7006–122). Морда тигра, изображенная на мешочке, в коллекции представлена в единичном числе. Она образована следующими фигурами: глаза – спирали, нос – двулистник, рот – ромб, уши заострены, (кол. № 6939–5).

На подоле халата из рыбьей кожи изображена черепаха с головой в виде заостренной скобы, туловище – в виде двух фигур змеек со спиралями на концах; лапы обозначены завитками сдвоенных змеек (кол. № 6939–86). Интересно, что образы черепахи, напротив, часто встречаются на изделиях конца XIX – начала XX в. Следует отметить, что эти изображения нередки в петроглифах Кореи.

На тапочках лягушка показана в сидячем положении в виде сердцевидной головы и двух завитков (кол. № 7006–134,135). Подобные изображения лягушки на халатах были известны также нанайцам и орокам; у всех тунгусо-маньчжуров лягушка символизировала жизненность, промысловую удачу и счастье.

На халатах из рыбьей кожи у нивхов в советскую эпоху часто встречаются также фигуры: водоплавающих птиц, птиц в полете и изображения зародышей; парных змеек в разных сочетаниях; единично фигура совы. Утки часто вышивались в профиль, с элементами пегушиного крыла, хвоста, хохолка и гребешка, при этом с клювом орла (кол. № 6939–86). В клюве птица держит зародыши или каплю воды, либо песчинку. В мифологии водоплавающая птица являлась творцом мира⁶. Имеются также образы летящих птиц с распростертыми крыльями и фигурами зародышей, связанных с культом плодородия (кол. № 6939–86,96).

Среди растительных мотивов нивхских орнаментов имеется изображение стилизованного дерева с развилкой. Аналогичный тип мирового дерева использовался айнами и нивхами во время проведения медвежьего праздника (фотокол. № 2448–95). Часто встречается спирально-растительный декор с трилистниками, двулистниками и одинарными листочками, обрамляющими зооморфные и антропоморфные узоры, а также изображения цветов с 4-мя лепестками или бутоном и парой спиралей (кол. № 6939–19,25,27,91,102; № 7006–61,62,71,76,136,137).

Криволинейно-геометрические орнаменты советского периода у нивхов включают следующие элементы: меандр; цепочку из

овалов; повторяющиеся S-образные элементы, расположенные в горизонтальную линию; двойную скобу; сердцевидные фигуры, часто – крупные пары спиралей. Все эти мотивы криволинейно-геометрических узоров изображаются самостоятельно или являются составными элементами зооморфных, антропоморфных образов или личин типа петроглифов.

Особо интересными являются сюжеты личин в орнаментах нивхов, напоминающие наскальные изображения на петроглифах Амура (кол. № 6939–86,91,105; № 7006–61,73). Нивхи в регионе проживания были знакомы с петроглифами Калиновки. Кроме того не исключено, что во время товарного обмена нивхи посещали нанайцев и встречали их петроглифы Сакачи-Аляна. А. П. Окладников связывает эти личины с образами предков неолитического населения, которые играли важную роль во время инициационных ритуалов⁷.

Таким образом, анализ орнаментального творчества нивхов советского периода на основании коллекций РЭМ, собранных Е. П. Орловой в 1956–1957 гг., свидетельствует о том, что, несмотря на крупные экономические, культурные и социальные изменения, происходившие в стране в этот период, историческая память сохранила традиционные элементы, причем по сравнению с орнаментами конца XIX – начала XX в. набор мотивов, элементов и композиций не обеднел. Следует отметить, что советская символика у нивхов в орнаменте, по материалам Орловой, практически не нашла отражения в коллекции. Возможно собиратель сознательно не приобретала орнаменты с изображением советской символики, но, судя по другим источникам, проживающие на периферии Амуро-Сахалинского региона нивхи не использовали ее в своих орнаментах, предпочитая традиционные сюжеты, в отличие от нанайцев, у которых на коврах имелись изображения Ленина, серпа и молота, пятиконечных красных звезд. Интересно, что нивхи по своему менталитету весьма консервативный народ, верный традициям. Еще в конце XIX – начале XX в. они не восприняли христианство, и это может свидетельствовать об их особом традиционализме, что подтверждается и орнаментальным творчеством. Вместе с тем, в орнаментах нивхов советского периода отмечаются мотивы, общие для всех тунгусо-маньчжуров (спирально-растительные узоры, пляшущие человечки, образ женщины-прародительницы, образы животных – медведя, тигра, дракона). Можно предположить, что многие общие элементы могли быть либо заимствованы от тунгусо-маньчжурских этносов, тем более что Амурский регион отличался наличием множества смешанных браков у народов, либо являлись древним общим амурским достоянием,

восходящим к эпохе неолита. Таким образом, «советскость» нивхского орнамента явно не проявилась в 1950-х гг., а наоборот, у них сохранились традиционные сюжеты, что было связано с менталитетом этого народа.

¹ Смоляк А. В. Традиционное хозяйство и материальная культура народов Нижнего Амура и Сахалина. М.: Наука, 1984. С. 135–226.

² Она же. Заметки по этнографии нивхов Амурского лимана//ТИЭ, 1960. Т. 56. С. 92–147; она же. Положение коренного населения в районах нижнего Амура: основные вопросы развития экономики, быта, культуры, здравоохранения и образования. 1960//Этнологическая экспертиза Народов Севера России. 1959–1962 гг.: Сборник. М., 2005. С. 199–227.

³ Она же А. В. Заметки по этнографии нивхов Амурского лимана. С. 145.

⁴ Каплан М. А., Орлова Е. П. Народы Сибири и Дальнего Востока. ГМЭ: Современное народное искусство. Л.: ГМЭ, 1958. С. 6–7.

⁵ Окладников А. П. Петроглифы Нижнего Амура. Л.: Наука, 1971. С. 187.

⁶ Крейнович Е. А. Очерк космогонических представлений гяляков о.Сахалина//Этнография. 1929. № 1. С. 82.

⁷ Окладников А. П. Указ. соч. С. 108.

UDC 7.04; 39.8

T. Y. Sem

Historic Memory in the Nivkh Decorative Arts During the Soviet Period

Sem Tatiana Yurievna, The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg, the Department of Ethnography of the Siberia and the Far East, leading researcher, Ph. D. (History); semturem@mail.ru

The paper deals with the Nivkh decorative arts in the soviet period, based on E. Orlova's 1950s collections kept in the holdings of the Russian Museum of Ethnography. The issue of preserving traditions in the Nivkhs culture of that time is highlighted. As a paleo-Asiatic ethnos, the Nivkhs preserved the isolation of their language, maintaining at the same time a certain cultural link to Tungusic peoples with whom they form a single historical and ethnic community of the Amur and Sakhalin Region. The paper presents a semantic typology of the soviet period Nivkh decorative patterns. The following motifs can be traced through the Museum collections: anthropomorphic, zoomorphic, curved-geometric patterns; masks encountered in the pre-Revolutionary collections as well. The patterns of that time feature figures of female foremothers, women giving birth, men with erect phalluses

symbolizing the fertility cult. There are also anthropomorphous figures dancing in a circle, which is typical for calendar rituals. Zoomorphic figures are images of tigers, bears, dragons, tortoises or frogs. Masks similar to Neolithic cave drawings from the Lower Amur area, include anthropomorphic, simian, skull-like visages related to the initiation ritual and the ancestors cult. Finally, the author concludes that despite all the economic, cultural and social changes the Nivkh culture went through in the soviet period, their decorative patterns kept their traditional narratives.

Keywords: decorative arts, the Nivkhs, the Russian Museum of Ethnography collections, the soviet period, semantic typology of motifs, historical memory.